

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

INSTITUTIONAL PARADIGM OF POLITICAL POWERS: PRESENT CONDITION AND MODERNIZATION PROSPECTS

А. Н. Курюкин,
кандидат политических наук

Институциональная парадигма политической власти имеет несколько версий. Раскрывается сущность этих версий. Анализируется развитие институциональной парадигмы политической власти в условиях глобализации. Определены ключевые формы существования и главные тенденции развития системы властных институтов в перспективе.

There are several political power institutional paradigm alternatives. The substance of these alternatives is discussed. Political power institutional paradigm development under conditions of globalization is analyzed. Key existence forms and main development tendencies of the system of power institutes are examined in the long run.

Il'a quelques alternatives du paradigme institutionnel du pouvoir politique. On examine l'essence de ces alternatives et le développement du paradigme institutionnel du pouvoir politique en conditions de la globalisation. Formes cleves d'existence et tendances principales du développement du système d'instituts du pouvoir à long terme sont examinée.

Es gibt einige Varianten der institutionellen politischen Machtparadigma. Das Wesen dieser Varianten und die Entwicklung der institutionellen politischen Machtparadigma unter Globalisierungsbedingungen werden erörtert. Man analysiert die Schlüsselexistenzformen und Hauptentwicklungstendenz des Systems der Machtinstitutionen in Perspektive.

Ключевые слова: парадигма, политическая власть, институт, глобализация, тенденция, форма существования.

Key words: paradigm, political power, institution, globalization, tendency, existence form.

Mots clefs: paradigme, pouvoir politique, institution, globalisation, tendance, forme d'existence.

Schlüsselwörter: Paradigma, politische Macht, Institution, Globalisierung, Tendenz, Existenzform.

Современная институциональная парадигма рассматривает совокупность институтов власти как средство решения проблемы сотрудничества и координации в осуществлении властно-политических функций. Такой взгляд прямо базируется на рациональной теории выбора. Другим его основанием выступает исследование операционных затрат, информационной асимметрии и проблемы основного властного фактора – объяснить свой выбор в принятии политических решений и комплекса мер для их выполнения. В этом смысле властные институты являются не столько застывшим монолитом, сколько представляют собой зависимые переменные. Таким образом, система институтов политической власти предстаёт перед нами как способ решения проблем сотрудничества и координации политической деятельности, как поставщик информации и преобразователь данных для последующих операционных процедур.

В то же самое время, однако, существуют и другие версии институциональной парадигмы политической власти. Особенно сильна историческая версия, делающая упор на то, что современная институциональная структура политической власти есть продукт всего прошлого развития общественной системы в целом. Поэтому парадигмы отражают не столько необходимость в координации и сотрудничестве, сколько несут в себе черты породившего их общества. Чаще всего в своём развитии они проходят те же этапы и фазы, что и предше-

ствовавшие им сходные политические институты. В современной действующей властно-политической системе парадигмы занимают место между макроструктурным политическим контекстом и конкретными носителями власти, действуя как предпочтительные проводники информации и ограничители.

Рассматривая генезис институциональной парадигмы, большинство исследователей ставят во главу угла военные или экономические аспекты её концептуального формирования. Первая тенденция гласит о том, что основой формирования рассматриваемого явления стал простой перенос системы военной организации на политическую жизнь и, в особенности, на осуществление власти. Именно так формировались первые властные вертикали, повторявшие современную им иерархизированную структуру военного командования. С других позиций, генезис парадигмы раскрывают экономические аспекты. Здесь упор делается на стремление торговой аристократии ограничить возможности аристократии военной по узурпации власти над торговыми операциями. В противоборстве этих двух сил и возникли политические властные институты, призванные обеспечивать согласование политических интересов различных групп.

Выстроенная на базе такого подхода, как корня парадигмы, властно-политическая система институтов практически современного вида обеспечила более эффективное решение проблем политического

сотрудничества и координации, чем ее отмершие предшественники. Внутриполитически, эти властные институты формализовали отношения между правителями и управляемыми и между управляемыми непосредственно. В этой же системе появились первые непреложные политические функции власти (защита общества, правовые рамки поведения), была также создана однородность в управлении и большая стабильность в социальном взаимодействии.

Иерархические структуры властной вертикали были созданы в рамках феодальной юрисдикции. Большую роль сыграло здесь Римское право, которое не только облегчило расширение королевской власти, но и стало основой создания правовой системы, которая была сформирована на основании сводов законов того времени. Примерно тогда же проявились и первые противоречия между военной вертикалью и торгово-экономической горизонталью. Своего рода уступками выступал переход от многократного и конкурирующего налогообложения к стандартизированному типу и уровню требований, которые четко сформулировала центральная власть. Большое влияние властная вертикаль оказала на процессы регулирования экономических систем посредством стандартизации чеканки, весов и мер.

Обобщая, в области внутренней политики горизонтальные связи, свойственные торгово-экономическому взаимодействию, привели к формированию более эффективной институциональной системы политической власти, нежели жестко иерархизированная военно-политическая вертикаль. Система горизонтально-распределённых властно-политических институтов, репродуцированная на более низкие уровни в качестве микромоделей более высоких, позволяла более гибко решать проблемы сотрудничества и координации взаимодействия между правителями и управляемыми, равно как и между управляемыми непосредственно. Сказанное привело к тому, что социально-экономическая жизнь стала более упорядоченной, а затраты на торговые сделки и информационный обмен были уменьшены.

Большую роль в распространении описанной выше формы институциональной парадигмы сыграло развитие международных связей. Фактически, на международном уровне институциональная организация данной политической системы передает свою внутреннюю организацию внешней стороне. Здесь проблемы сотрудничества и координации международного взаимодействия требовали более неотложно своего решения, чем выяснение превосходства конкурирующих форм внутриполитической организации институтов власти. В отличие от универсальных притязаний обществ с имперской или теократической вертикальной организацией властной системы, общества, где властные институты были распределены, проводили более гибкую политику.

Это обусловило важный процесс политической идентификации, когда на международных переговорах действовали стороны со сходной или идентичной внутренней системой институтов политической власти. Государства с более иерархической властью оказались менее надежными и, таким образом, менее привлекательными как партнеры. Это требование конвергенции далее помогло распространению модели реализации институциональной парадигмы власти в распределённом виде, как доминирующей формы властно-политической организации, через Европу и, в конечном счете, по всему миру.

В свете институциональной парадигмы переход от жесткой иерархизированной вертикали к распределённым формам среди современных властно-политических систем хоть и приводил к ограничению способностей власти к принуждению, но, тем не менее, делал развитие общества более прогрессивным и в некоторых моментах более устойчивым. Распределённые властные институты, которые сократили способность правителей вмешиваться в общественные процессы, стимулировали на микроуровне личную инициативу индивидов, позже составивших «креативный класс». В дальнейшем, этот стимул увеличивал способность политических систем конкурировать на международном уровне с менее гибкими системами. Тем не менее, этот процесс имел и другой, можно сказать, парадоксальный результат. Он заключался в том, что личная инициатива и креативные процессы, протекавшие в обществе, вовлекли в свою орбиту и органы принуждения, функционировавшие в пределах властной вертикали, повышая своими новшествами эффективность их функционирования и давая им зачастую решающие преимущества.

Рассматривая источники институциональных трансформаций системы политической власти, современная институциональная парадигма, хоть и сохраняет в их фундаменте вопросы безопасности и экономической обстановки, но признаёт нынешнюю систему институтов власти результатом длительного пути развития общественно-политической системы в целом. Конкретный тип политического института – это часто завершение долгих исторических процессов и специального выбора, которые смешались со случайными и непреднамеренными результатами политической деятельности. Властно-политические факторы, без сомнения, стремятся проектировать институты, которые наилучшим образом удовлетворяют их потребности (чтобы увеличить возможности их переизбрания, чтобы достигнуть их сокровенных стратегических целей или увеличить и повысить своё благосостояние и прибыль), но их выбор форм политических институтов ограничен доступными параметрами. Таким образом, хотя внешние условия и обеспечивают стимул для институциональных трансформаций, не следует исключать из рассмотрения и предыдущее историческое развитие.

Выбор времени индустриализации и ситуация с безопасностью государства часто определяли степень вмешательства вертикальной власти в степень распределения властных институтов по горизонтали. Внешние экономические и военные проблемы встречаются на множестве путей развития. Поэтому стратегическим выбором формы властных институтов со стороны политических деятелей и экономически активных субъектов был во многом обусловлен историческим наследием. Таким образом, в определенные моменты некоторые модели, казалось бы, имели преимущества по сравнению с другими, но эти выводы остаются не однозначными. Примером может служить восточноазиатское развитие. У этой модели была большая валютная устойчивость в течение 1980-х и в начале 1990-х. Она была обеспечена смещением жесткой властной вертикали с развитым горизонтальным распределением власти (например, Республика Корея в правление Чон Ду Хвана с 1980 по 1988 гг.) Однако в связи с кризисом конца 1990-х, модель потеряла свою устойчивость, и уровень инвестиционного доверия к ней резко уменьшился. В свете спада в экономиках ряда государств-инвесторов в страны восточноазиатской модели, её недостатки выявились наиболее ярко. Среди них ряд исследователей выделяет один – это высокая степень видимой конвергенции между восточноазиатскими и европейскими системами властных институтов, что на практике оказалось далеко не так.

Большинство современных размышлений относительно будущего институциональной парадигмы относится к её способности обеспечить возможность системы распределённых институтов действовать автономно, то есть снизить уровень их зависимости от государственной властной вертикали с присущими ей недостатками. В этих условиях предусматривается, что распределённые институты политической власти должны всё в меньшей и меньшей степени учреждаться властной вертикалью, но образовываться по сетевому принципу. Здесь на первый план выходит давно существующая идея формирования институтов власти по принципу добровольной ассоциации как на международном, так и даже на национальном уровне. Практика же пока показывает, что чаще всего инициаторами формирования таких институтов, ввиду межсоциальных сетей или неправительственных альянсов организаций, выступают централизованные правительства, как стороны, договаривающиеся о создании этих институтов.

Обобщая сказанное выше, необходимо отметить, что самые вопиющие политические системы, которым была свойственна жесткая и репрессивная властная вертикаль и у которых отсутствовали распределённые институты власти, исчезли, в большинстве своём, с распадом тоталитарной системы. Тем

не менее, юридическое понятие государственного властного администрирования как регулирующего устройства в социуме сохраняют его влияние. Это верно даже для областей, где трансгосударство было основано на жестком требовании единства всего общества, таких как арабский Восток. Таким образом, хотя взаимозависимость и глобализация уменьшили способность правительств действовать в пределах властной вертикали автономно, принцип наличия в любой политической системе определённого управляющего и решающего центра в обозримой перспективе будет соблюдаться, и это, а также дальнейшее развитие сетевых форм распределения властных институтов, составит перспективу развития институциональной парадигмы политической власти.

В этих условиях целесообразно рассмотреть данную тенденцию более подробно. Итак, в современном мироустройстве, по мнению исследователей, существует несколько систем институтов политической власти: локальные, национальные, интернациональные, транснациональные и глобальные. Локальные и национальные системы функционируют в пределах отношений, которые формируются на субнациональном уровне или ограничены этническим государством. На практике их действующими субъектами выступают местные и региональные политические группы, активно формирующие и функционирующие через внутренние политические институты и организации. Интернациональные и транснациональные системы институтов вовлекаются в политические отношения между национальными или многонациональными государствами. Конкретными примерами здесь могут служить межгосударственные и транснациональные системы институтов, как присущие конкретным государствам и функционирующие на международном уровне, так и образованные усилиями ряда государств, находящихся в одном регионе (АТЭС, ШОС, ОДКБ). Сюда же можно отнести и большие транснациональные корпорации, которые посредством лоббизма, осуществляемого специально созданными для этого международными и транснациональными институтами, защищают свои интересы. Система политических институтов глобального уровня представлена сегодня формальными политическими учреждениями, призванными урегулировать, прежде всего, экономические и военные вопросы развития всего мира в целом (ЕС, ВТО, НАТО, ООН).

Рассматривая эти институциональные системы, необходимо отметить, что до настоящего времени одним из принципиальных вопросов их функционирования являлась роль такого политического суперинститута как этническое государство. Однако сложившаяся сегодня практика показывает, что это государство играет отведённую ему ведущую роль только применительно к первым трём системам, в значительной степени лишается её на

транснациональном уровне и практически лишается на глобальном.

В свою очередь, истоки практики формирования межнациональных систем политических институтов находятся отнюдь не в области чистой политики, как таковой. Первыми примерами таких образований были культурные движения и религиозные секты. Их ярчайшим примером может выступать движение «хиппи» 1960-х, имевшее четкие политические убеждения и предпочтения, формировавшееся по континентальному, а позже и международному принципу. Значительно более высокую степень институционализации показывают, например, приверженцы секты Сен Мен Муна, которые с 70-х гг. формируют широкий спектр трансграничных организаций, имеющих целью защиту и продвижение политических интересов организации. Таким образом, хотя, как правило, эти понятия в обиходе синонимизируются, международные, межнациональные системы институтов – это не обязательно то же самое, что и «глобальные».

«Национализируя» большую часть общественно-политической жизни, этнические государства как суперинституты, таким образом, обеспечили своего рода «социальную защитную сеть» как политический механизм, давший новую жизнь местным и региональным институциональным политическим системам, но не поглотившим их. Этот защитный механизм в системе общественных отношений, который реализовало этническое государство, может быть охарактеризован не как метафора, предназначенная для зонирования или территориального ограничения политической деятельности, но как способ воплотить идею о том, что все общественные отношения и все результаты социально-политической борьбы (и на местном и на наднациональном уровне), регулируются именно через суперинститут национального государства.

Государство, таким образом, стало центральным или координирующим институтом всей полноты общественной деятельности. Однако здесь есть значительная специфика. Современная политическая наука противопоставляет доиндустриальные и современные государства, из которых в конечном итоге и сложится глобализовавшийся мир. «Власть» современного государства преимущественно не касается политических элит, из которых состоят региональные или местные политические институты и

их системы. Осуществление власти в обществе преимущественно реализовывалось в призме напряженных государственно-общественных отношений, на острие которых была реализация политических прав и свобод человека и гражданина, а не межинституциональное взаимодействие в условиях местно-регионального или национального ландшафта. Таким образом, общественная жизнь сегодня гораздо больше политизирована и геополитизирована, чем она была в более ранних государствах.

Ключевая политическая проблема сегодня – распадаются ли государственно-общественные отношения, прокладывая путь к глобальным формам правительства. Теоретики глобализации выделяют сегодня к этому множество тенденций, в большинстве случаев называется расширение экономики, но также и целый ряд экологических, социальных и военных вопросов, которые выходят из внутренней юрисдикции национального государства и переходят к мировому сообществу. Тем не менее, существует вопрос о том, настолько ли современный глобализм отличается от предыдущих социально-политических процессов развития. Возможно, он не столько разрушает сложившийся институционально-политический порядок в пределах национальных государств, сколько является его логическим развитием?

Впрочем, реальная действительность, как обычно, непредсказуема даже самой смелой теорией. Действительность показывает, что выгода для негосударственных действующих субъектов власти – не обязательно в прямом участии в государственной власти. Сегодня складывается новая группа транс-государственных отношений, когда серьезные международные проблемы – от терроризма и отмывания денег до банкротств мировых банков и экологической деградации – сформировали новую политическую реальность, в которой государство, вместо распада, активно функционирует на международной арене отдельными агрегатами своего механизма. Трансправительственные сети здесь создаются отдельными государственными органами, которые активно взаимодействуют со сходными иностранными органами. Сегодня это сотрудничество предполагается в такой степени, что в условиях транс-государствализма будет иметь место дальнейшее существование, а не разрушение национального государства.

Курюкин А. Н. – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социологии Российской Академии Наук

Kouryukin A. N. – Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences

e-mail: kuriukin@mail.ru